© 1994 г., ЭО, № 6

В. И. Дынин

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА РУСАЛКИ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Сложность мифологического образа русалки никогда не вызывала сомнений. Исследователи, чье внимание так или иначе привлекал этот персонаж, пытаясь понять его первоначальное значение, высказывали различные точки зрения на этот счет. Одни авторы (М. Д. Чулков, И. М. Снегирев, Д. О. Шеппинг, Е. Г. Кагаров, С. А. Токарев, Т. Д. Златковская, В. В. Иванов) изначальными считали представления о русалках как духах природы или плодородия, а их связь с миром умерших — явлением более поздним [1]. Другие авторы (С. М. Соловьев, А. Н. Афанасьев и А. Н. Веселовский), напротив, видели в русалках духов умерших предков (manes), выходящих весною насладиться оживающей природой [2]. Эта точка зрения на образ русалки, имеющий древнюю манистическую основу, недавно получила поддержку в работе Л. Н. Виноградовой (на материалах Полесского архива) [3]. Д. Н. Ушаков признавал, что локализация русалок и в водах, и в лесах представляет очень древний факт, но отрицал, что по своему происхождению русалки были духами леса или духами воды [4]. Д. К. Зеленин, в свою очередь, связывал возникновение этого образа с представлениями не о духах умерших вообще, а преимущественно «заложных» покойников [5]. В своих более поздних работах Д. К. Зеленин подчеркивал, что связь эта носит древний характер, но, по-видимому, уже не исключал, что образ русалки мог иметь и какие-то другие генетические истоки [6]. В. К. Соколова придерживалась мнения, что русалки у древних славян были особыми женскими божествами, подательницами живительной влаги, т. е. причислялись даже к существам высшей мифологии. Лишь впоследствии, не без воздействия христианских проповедников, они оказались сведенными к рангу персонажей низшей мифологии, а также стали отождествляться с душами безвременно умерших [7]. Ни одно из предлагавшихся решений вопроса о генезисе мифологического образа русалки так и не стало общепризнанным, и вопрос остается открытым.

Среди персонажей восточнославянской демонологии образ русалки занимает особое место. В нем сочетаются элементы нескольких совершенно различных культов. Во-первых, отчетливо выражена принадлежность русалок к миру умерших (культ мертвых). В большинстве случаев русалки считались духами самоубийц, утопленниц, детей, умерших некрещенными, и т. п. Часто подчеркиваются и такие детали внешности русалок, как синие (бледные) лица, холодные руки и проч. Во-вторых, в образе русалки нашел воплощение культ природы. Связь этих существ с водой или лесом ставит их в один ряд с другими духами природы — водяными и лешими. В-третьих, то обстоятельство, что русалки часто обитают в полях, или же их «провожают» в поля, где они должны способствовать лучшему урожаю, свидетельствует о связи этого образа еще и с культом плодородия. Смешение культа мертвых и культа растений (плодородия) прослеживается также в троицко-семицкой обрядности.

Известно, что со временем, в течение веков, а также под влиянием христианской религии древнеславянские боги существенно трансформировались. Одни из них превратились в «нечистых», другие образы забылись, отдельные представления спутались и перемешались. Тем не менее в большинстве случаев не составляет труда проследить генетическую основу того или иного персонажа восточнославянской демонологии XIX—XX вв. (таких, как леший, водяной и т. п.). Однако не так обстоит дело с образом русалки. Он имеет осложненную форму, в нем как бы сливаются представления о самых разнообразных существах. Причем сливаются настолько, что невозможно определить, какое из этих представлений

является наиболее древним. Образ русалки обладает и еще рядом особенностей, которые отличают его от других персонажей восточнославянской демонологии. Речь идет о поразительной вариативности, неоднотипности этого образа, причем не только географической. Даже в пределах одной и той же местности (губерния, уезд) подчас различны представления о внешнем облике русалок, местах их обитания и роде их занятий; иногда различен даже пол этих существ. Кроме того, русалки обнаруживают черты удивительного сходства с восточнославянскими полудницами, лешими и водяными, а также с мифологическими существами некоторых других народов. Ниже мы остановимся на этих особенностях подробнее и посмотрим, какое значение они имеют для выяснения вопроса о генезисе образа русалки у восточных славян.

Русалки в представлениях северно- и южнорусского населения. Локальная вариативность образа русалки у восточных славян и в первую очередь ее внешнего облика, неоднократно отмечалась исследователями [8]. У южных русских, украинцев и части белорусов преобладают представления о русалках как о молодых и красивых девушках (женщинах). Этот морфологический тип русалки не встречается в северных районах. В редких исключениях из этого правила мы имеем дело уже с поздними представлениями, возникшими под влиянием литературы и городской культуры. В качестве примера можно привести сообщение С. Н. Пащенко из Ярославля о «явлении русалки» в одном доме, находящемся в самом центре города: «Ночью туда являлась необычайной красоты женщина в диадеме из золота и белом платье, с распущенными волосами. Она будила спящих, касаясь их, всходила на крышу, садилась там и принималась расчесывать свои волосы» [9]. Русалки северных русских, как правило, лишены внешней привлекательности: это безобразные, косматые женщины с большими отвислыми грудями. Интересно, что представления о немолодых и страшных русалках зафиксированы и в более южных районах, в частности у украинцев (Харьковская, Волынская губ.) [10] и в южнобелорусском Полесье [11]. А. В. Терещенко, описывая подобные поверья у украинских поселенцев в Саратовской губернии, назвал их переиначенными [12], подчеркивая тем самым их нетипичность для южного региона. Не является ли тип немолодой и «страшной» русалки, в пережиточной форме сохранившийся у южных белорусов и украинцев, более архаичным?

Образ «русалки» в северной и среднерусской полосе. Остановимся подробнее на севернорусских русалках. Каковы, по народным представлениям, эти существа? Рассказы о них почти всегда однотипны. Живут северные русалки, как правило, одиноко в водоемах, очень редко — в болотах или лесах, т. е. там же, где лешие и водяные. Их иногда видят нагими, сидящими на берегах, на корягах или камнях, где они расчесывают свои длинные волосы большим гребнем (это привычное занятие также севернорусского водяного). Отмечается и такая деталь их внешнего облика, как непомерно большие отвислые груди (Архангельская [13], Вологодская [14], Вятская [15], Костромская [16], Новгородская [17], Пермская [18], Владимирская [19] губ.). В Неноксе (Летний берег Белого моря) видели *чертовку*, которая сидела на мосту и «прикококивала» [20]. В Нижегородской губ. (Васильсурский у.) водяная *чертовка* находилась возле бани. Увидав людей, она «захлопала в ладоши и бух прямо в пруд» [21]. Русалки Вятской губ., нагие женщины, живущие в лесу, обладают способностью быстро бегать: «... если кинется бежать, то на лошади не догонишь» [22]. В материалах последних лет рассказы северных русских о русалках всегда очень коротки и лаконичны: «Русалка на камне сидит, волосы чешет гребнем. Волосы-то длинные, зеленые». При встрече с человеком убегает в лес или прыгает в воду (Архангельская обл., Северо-Двинский р-н) [23]. Или: «Лешуха выйдет на камень посредине реки и волосы чешет. Волосы длинные! Это, говорят, перед дождем» (Шенкурский р-н) [24]. До недавнего времени северным русским не было известно и само слово «русалка». Об этом прямо сообщали многие корреспонденты В. Н. Тенишева из севернорусских губерний [25]. Д. К. Зеленин впервые показал, что это название прижилось на Русском Севере сравнительно поздно, в XIX—XX вв., вместе с городской культурой [26].

Этот факт подтверждается экспедиционными исследованиями недавних лет [27]. В этой связи интересны высказывания крестьян Холмогорского р-на, приводимые С. И. Дмитриевой, о том, что это «ноне их русалками зовут, а раньше все черт» [28]. Северные русские называли своих безобразных демонов женского пола также различными другими именами: водяной (Ярославская, Новгородская, С.-Петербургская губ.), водянихи (Архангельская, Новгородская губ., Сев. Двина), водяной черт (Сев. Двина), водяная баба (Симбирская губ.), чертовки (Архангельская, Костромская, Пермская губ.), лешачихи (Вологодская, Архангельская губ.), шутовки (Владимирская губ.), лешиньки (Владимирская губ.) и т. п. Все эти названия, равно как и описания внешности этих существ или рода занятий, указывают на их первоначальную связь с водяными и лесными духами. По И. М. Снегиреву, великорусы (очевидно, именно северные) называли русалок водяными и лешими [29]. В Нижегородской губ., по Д. К. Зеленину, «русалок» и водяных вообще часто смешивают [30]. Заслуживают внимания и многочисленные свидетельства о том, что в виде голой бабы, чешущей голову на берегу, появляется никто иной, как сам водяной [31].

По-видимому, мы должны согласиться с мнением Д. К. Зеленина, что какого-то определенного образа русалки у северных русских в сущности нет [32]. В одних случаях водянихи и чертовки оказываются женами водяного, иногда — просто самим водяным, принявшим женское обличье. В других, более редких случаях, новое, пришедшее с юга название «русалка» было механически прикреплено к образу лешачихи — жены лешего (косматой женщины с отвислыми грудями), широко распространенному в северных русских поверьях [33].

Русалки южных русских и украинцев. Ареал распространения слова русалка охватывает районы Украины, Южной Великороссии и Белоруссии. Бытовавшие здесь представления о молодых и обольстительных красавицах-русалках, девушках с длинными распущенными волосами зеленого цвета, стали своего рода классическими. Такими русалки вошли и в литературные произведения [34]. Именно украинцы и южные русские всегда, или почти всегда, считали русалок утопленницами, маленькими детьми, которые умерли некрещенными, т. е. душами мертвых. Именно с южными русалками связаны представления о летней троицко-семицкой обрядности, в том числе об обрядах изгнания, проводов русалок, когда похоронно-поминальные действия смешаны с элементами культа растений и плодородия.

Большим разнообразием отличаются украинско-южнорусские поверья о русалках. Помимо преобладающих здесь представлений о них («молодые и красивые»), украинцам и южным русским известны русалки в виде обычных женщин с длинными распущенными волосами. В таких рассказах не уточняется, красивы ли эти существа или уродливы, что позволило Л. Н. Виноградовой говорить в этом случае об особом, «нейтральном» типе внешности русалок [35]. Представляют русалок (особенно украинцы) также в виде маленьких детей, чаще всего девочек. Иногда это полуженщины-полурыбы, с рыбьим хвостом вместо ног; в некоторых случаях тело русалок покрыто шерстью (антропозооморфные типы) [36]. Очень редко русалка — это некое существо с рогами и хвостом, напоминающее коня [37]. Южные русалки появляются не только нагими, но и одетыми в белые одежды. Особенно поражает разнообразие мест обитания южных русалок. Здесь и различные водоемы — реки, озера, пруды, болота, колодцы, моря, а также леса, рощи, сады, луга, ржаные (или конопляные) поля, степь, огороды. Русалки подходят к домам, нередко поселяются в них, живут на кладбищах (на могилах) и даже могут вбежать в церковь [38].

Этот перечень можно было бы продолжить. Примечателен же тот факт, что такое разнообразие представлений почти всегда встречается в пределах одной местности — губернии и уезда. Невозможно выделить такие регионы, в одном из которых русалки, скажем, считались бы преимущественно полевыми жительницами, в другом — только водными, а в третьем — только лесными духами. Трудно выделить регионы с преобладанием того или иного морфологиче-

ского типа внешности русалок. Наоборот, различные представления всегда *смешаны в одном регионе*. Проиллюстрируем это на примере поверий о русалках Орловской губернии (выбор губернии произвольный). Среди орловских русалок есть молодые и красивые [39], есть просто «голые женщины с растрепанными волосами» (Болховский у.) [40], есть полуженщины-полурыбы [41]. Обитают они не только в воде (Орловский, Болховский, Севский и др. уезды) [42], но также на болотах [43], в лесах (Орловский, Севский уу.) [44] и в полях (Мценский у.) [45]. Болховские русалки «выходят из воды еще на Светлое Воскресенье и могут забежать в церковь» [46].

Русалки, берегини и вилы. Само слово «русалка» и первые сообщения о русалках как особых существах появляются в XVIII в. (у В. Н. Татищева). В более ранних источниках это слово отсутствует [47]. Кроме того, в древнерусских памятниках, содержащих сведения о различных славянских богах (кутный бог — домовой, скотный бог — дворовой, лесной бог — леший и т. д.), не упоминаются какие-либо существа, похожие на русалок.

Л. Нидерле в своем известном труде сопоставил русалок с древними берегинями, известными с XI—XII вв. по древнерусским поучениям и по рукописям XIV—XV вв.[48]. Он основывался на том, что берегини, как и русалки, обитали в воде («в реках и источниках»), где им приносили жертвы и, возможно, молили о плодородии. Никаких данных о внешнем облике берегинь нет. В связи с тем, что в древних источниках указывалось конкретное количество берегинь — «тридевять сестриниц», более убедительным представляется предположение Д. К. Зеленина, что под берегинями скорее разумелись не русалки, а сестры-лихорадки («лихоманки»), которым больные и теперь приносят различные дары, между прочим, на берега рек [49].

Были попытки отождествить русалок еще с одним персонажем древнеславянской мифологии — вилами [50]. Вилы представлялись в виде крылатых дев-птиц. По объяснению древнерусского книжника XI в., назывались они еще и сиринами. Сирины с девичьими лицами и крыльями были хорошо известны в древнерусском искусстве. Из восточнославянского фольклора древние вилы исчезли (по мнению Б. А. Рыбакова, были заменены русалками). Зато этот образ хорошо сохранился у южных славян (болг. вилы-самовилы-дивы-самодивы, сербск. вилы). По народным верованиям, это очень красивые девы с длинными косами и крыльями; живут они стаями на краю света вдалеке от людей — у воды, на горах и облаках. Они излечивают болезни, предсказывают судьбу, а также способствуют плодородию, раз в год прилетая и орошая хлеба водой [51]. Ряд элементов (красивая внешность, обитание группами, связь с водой и плодородием) действительно роднит вил и русалок. Но имеются и существенные различия. Так, русалки никогда и нигде не представлялись крылатыми, а ведь это, пожалуй, одна из самых существенных особенностей вил. Мало общего имеют места обитания этих персонажей. Представления о вилах не объясняют целого ряда других важных элементов в образе русалки.

Резюмируя сказанное выше, можно сделать следующие выводы: 1) образ русалки как таковой отсутствует в севернорусской демонологии; 2) большая вариативность образа русалки у южных русских и украинцев указывает на то, что этот образ не успел достаточно оформиться и в более южном регионе; 3) мы не имеем прямых свидетельств о существовании образа русалки по крайней мере до XVIII в. Эти обстоятельства приводят нас к заключению, что мифологический образ русалки не является древнеславянским, а возник сравнительно недавно. Такое предположение уже было высказано в литературе [52]. Тогда становится понятным и сложный характер этого образа, его противоречивость и туманность: он сложился на основе представлений о самых разнообразных существах, объединенных скорее всего по признаку пола и по своей принадлежности к миру умерших. Среди предшественниц русалок вполне могли быть вилы, связанные с культом плодородия и, очевидно, с русалиями. Но не только они. Видимо, не случайно русалки своим видом и действиями часто напоминают других существ — леших, водяных и полудниц.

Русалки и полудницы. Особый интерес представляет сопоставление образов русалки и полудницы. Полудница представляется высокой красивой девушкой (или женщиной) с длинными распущенными волосами, одетой во все белое. По поверьям, она появляется в поле во время цветения или созревания ржи, и всегда в полдень. В ряде мест эта женщина-дух, по рассказам, имеет в руках громадную сковороду, которой либо закрывает хлеба и травы от палящих лучей солнца, либо оборачивает сковороду другой стороной и прижигает молоко хлебных зерен и цвет трав (Вологодская губ., Вельский у.)[53]. Людям полудница исключительно враждебна: она поражает солнечным ударом или убивает человека, откручивая голову. Часто она заманивает в рожь малых ребят и заставляет их долго блуждать там. Основные функции полудницы заключаются в охране посевов и влиянии на плодородие полей. Ее внешний облик и функции свидетельствуют о связи этого образа с солярно-полевым культом[54].

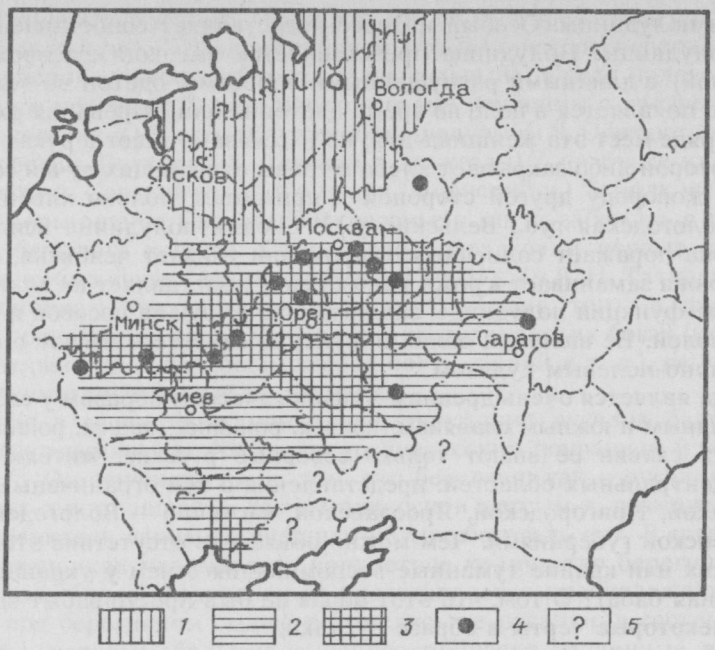
Полудница является очень древним мифологическим образом у славян[55]. Она известна западным и южным славянам (польск. poludnice, чешск. poludnice и т. д.). Из восточных славян ее знают только северные русские, жители некоторых западных и центральных областей: представления о ней ограничены Архангельской, Олонецкой, Новгородской, Ярославской, частично — Вологодской, Витебской и Смоленской губерниями. Чем можно объяснить отсутствие этого образа у южных русских или крайне туманные воспоминания о нем у украинцев и белорусов (железная баба)? О том, что этот образ не был просто забыт здесь, свидетельствуют некоторые черты в образе русалки.

Во-первых, и русалки, и полудницы имеют вид молодых красивых девушек (женщин) с длинными распущенными волосами. У русалок этот тип внешности встречается только в тех районах, где образ самой полудницы неизвестен (не сохранился?).

Во-вторых, при всем разнообразии мест обитания русалок, поле («рожь») служит местом их пребывания только там, где не знают полудниц. Этот регион, охватывающий Смоленскую, Калужскую, Орловскую, Тульскую, Воронежскую, Рязанскую, Тамбовскую, Пензенскую, Харьковскую, Черниговскую, Минскую, Гродненскую, Херсонскую и, возможно, еще некоторые другие губернии, совпадает с ареалом распространения поверий о молодых и красивых русалках. (Необходимо напомнить, что в очерченном регионе, наряду с полевыми русалками, отмечено существование и других русалок — водяных, лесных или меняющих свое местожительство в зависимости от времени года. Как уже указывалось, такие представления всегда смешаны.) Когда русалки изображаются «блуждающими по полям девушками (женщинами)» (Калужская, Воронежская губ.[56], Подмосковье[57]), их сходство с полудницами особенно заметно. Время появления в полях полудниц (период цветения и созревания ржи, т. е. июнь) совпадает с троицко-семицким праздничным циклом (вторая половина июня), когда появляются и русалки.

В-третьих, непременным атрибутом полудницы являются белые одежды. Эта деталь настойчиво повторяется в описаниях ее облика. Русалки же чаще всего лишены какой-либо одежды. Однако, например, в Калужской губ. (Медынский у.) этот «классический», по словам Д. Н. Ушакова, образ русалки (нагой девы) нарушен тем, что народная фантазия надевает на нее белую рубашку[58]. В таком же наряде ходят и пугают людей на Троицкой неделе русалки в Воронежской губернии (Павловский у.)[59]. Одеты во все белое полесские русалки[60]. В ряде мест женщины, изображавшие русалок во время троицких празднеств, специально для этой цели надевали белые рубашки (Рязанская губ.[61], Саратовская губ.[62]). Особого внимания заслуживает сообщение из Подмосковья, где существа, которых видели в жаркий день во ржи в белых холщевых рубашках с широкими расшитыми рукавами (несомненно, полудницы), названы русалками[63].

В-четвертых, и русалки и полудницы считаются существами, исключительно враждебными человеку. Среди проявлений их поведения следует отметить особый способ умерщвления людей — перекручивание шеи и отрывание головы. Наиболее типичен он в рассказах о полудницах; иногда этим характеризуются и южные



1 — ареал поверий о полуднице, *2* — ареал поверий о молодых и красивых русалках, *3* — обитающих в полях, *4* — одетых в белые одежды, *5* — нет данных

русалки. Подольские мавки, например, «отрезывают встретившемуся голову» [64] и потому считаются очень опасными. В Брянской обл. (Стародубский р-н) бытовало такое выражение: «Не смотри назад, а то голову перекрутят русалки» [65].

Итак, этнографические материалы позволяют выделить два больших региона бытования поверий о русалках: севернорусский, где известны полудницы (рис. 1, *1*) и южный, где наиболее часто встречается образ русалки с красивой внешностью, иногда одетой в белые одежды и обитающей в полях (рис. 1, *2—4*). Ареалы распространения этих представлений не совпадают.

Русалки, лешие и водяные. Некоторые детали внешности всех восточнославянских духов являются своего рода универсальными: они одинаково присущи лешим, домовым, банным и прочим духам и как бы подчеркивают демоническую природу этих существ. У всякой нежити бывают огромные горящие глаза, длинные косматые волосы, тело, поросшее шерстью, руки с длинными когтями. Человека, встретившегося с ними, нередко поражают огромные размеры этих существ и т. п. Русалки, по описаниям, тоже иногда имеют высокий рост (например, в брянско-черниговском Полесье [66], казанском Поволжье [67]), горящие глаза [68], когтистые руки [69], их тело бывает покрыто шерстью [70]. Севернорусские «русалки», состоящие в непосредственном родстве с лесными и водяными духами, внешне вообще мало чем отличаются от леших и водяных. Есть такие и среди южных русалок, которые, хотя и сохраняют свой привлекательный вид, напоминают леших и водяных своими повадками и действиями. А зеленый цвет волос всех этих духов подчеркивает их общую связь с миром растительности.

Как и лешие, русалки часто живут в лесах (эти поверья распространены повсеместно). От леших такие русалки, вероятно, переняли привычку качаться на ветвях или сидеть на деревьях в лесу (Смоленская, Калужская, Тульская, Курская, Рязанская губ.), неистово и раскатисто хохотать (Астраханская, Орловская, Рязанская, Саратовская, Минская губ.), хлопать в ладоши и заманивать людей. Отдельно следует коснуться весьма своеобразного способа умерщвления людей — посредством щекотки. Из восточнославянских демонов это отмечено только в отношении леших, русалок и в очень редких случаях — полудниц [71].

Леший заманивает людей в чащу именно с этой целью; поэтому лешего иногда называют *щекотуном* [72]. Во время встреч человека с русалками (в южных районах, на Украине) также возникает опасность погибнуть от щекотки. Как и лешие, русалки получили за это особые имена-прозвища: южнорус. *щекоталка*, укр. *лоскотовка*, белорус. *казытка*. Название *лоскотовка* Д. К. Зеленин признавал «одним из древнейших туземных названий для русалок, предшествующих по времени заимствованию слова „русалка“» [73]. На наш взгляд, представления о щекочущих русалках возникли под влиянием поверий о «забавах» лешего.

Представляет интерес и сопоставление образа русалки с образом водяного, тем более что утопленницы-русалки часто считаются его женами, обитающими в воде. Водяных и русалок роднит появление на берегах водоемов, где и те и другие, по поверьям, любят сидеть и расчесывать свои волосы большим гребнем [74]; при появлении человека те и другие стремительно бросаются в воду. Водяной часто показывается таким образом как раз в женском обличье («в виде голой бабы, чешущей голову») [75]. И водяные, и русалки топят людей в воде, вредят рыбакам, наносят ущерб мельникам. Как и водяные, испытывающие страх перед грозой [76], русалки боятся грома [77].

Сходство русалок с полудницами, лешими и водяными нельзя рассматривать как случайное. Сопоставление этих персонажей подтверждает вывод Д. К. Зеленина о том, что «новый образ русалки применялся к старейшим образам водяного и лешего, а никак не наоборот» [78].

Русалки, сирены и тюркская албасты. В образе русалки обнаруживаются следы влияния мифологических представлений других народов. Можно обозначить два региона — юго-западный и юго-восточный, где образ русалки осложнен заимствованиями соответственно из древнегреческой и тюркской мифологий.

Юго-западный регион отличается тем, что здесь встречаются поверья об особых русалках, напоминающих древнегреческих сирен — морских дев с рыбьим хвостом, которые очаровывают людей своим чудным пением, а затем их губят. «Мемозины — странные существа,— писал П. П. Чубинский о русалках Проскуровского у. Подольской губ.— Полурыбы, полуженщины: голова, руки и брюхо женские, а вместо ног рыбий хвост. Мемозины замечательны также пением. Живут они в море» [79]. Аналогичные сведения о рыбообразных разновидностях русалок мы имеем также из некоторых других мест. Корреспондент князя В. Н. Тенишева из Смоленской губ. И. Гринев сообщал о водных русалках, «девушках с рыбьим хвостом и зелеными волосами» [80]. По мнению крестьян Смоленского у., водяные русалки бывают двух видов: одни водяные русалки очень похожи на обезьян, а другие — на обыкновенных девушек, только вместо туловища и ног имеют длинный хвост рыбы. И те, и другие русалки очень хорошо поют [81]. В Полесье рассказывали о русалках, которые «половина як людына, а половина як рыба» (Ровненская обл., Сарненский р-н), или как «деука, а хвост як у рыбы» (Брянская обл., Трубчевский р-н) [82]. Заслуживает внимания то обстоятельство, что русалкам, как и сиренам, приписывается способность петь мелодичные песни, завораживающие путника. Например, по быличкам из Остерского у. (Черниговская губ.) «ночью, когда взойдет луна, они всплывают на берег реки, плещутся и поют песни, оглашая окрестность чудными, очаровательными звуками. Звуки эти имеют большую силу: услышавший их непременно подойдет к ним» [83]. Рассказы о том, что русалки заманивают красивой песней доверчивых людей, записаны и в Калужской губ. (Мещевский у.) [84]. В Смоленском у. считали, что крик русалок похож на крик совы, но иногда «русалки поют очень складно песни. Голоса их тогда бывают нежными и приятными» [85]. Поверья о рыбообразных русалках и русалках, поющих чудные песни, охватывают только юго-западные районы расселения восточных славян. Это позволяет предположить заимствование подобных представлений через Балканы и Византию из Греции. Кроме того, большинство духов восточных славян по поверьям, способно «издавать» различные нечленораздельные звуки, хохотать, кричать, подражать звериным голосам, но никак не петь. Петь любит еще леший, но это не те песни, которые «завораживают» людей [86].

Второй регион охватывает юго-восточные районы расселения восточных славян. В образе здешних русалок заметно влияние мифологии соседних тюркоязычных народов. В Астраханской губ., на Северном Кавказе, а по свидетельству В. И. Даля еще и в Вятской губ. (?) [87], русалки имеют иногда особое название — *лобаста, лопаста* или *албаста*. Это — видоизмененное тюркское слово «*албасты*» («алвасти»): в тюркской мифологии *албасты* — это злой демон женского пола, связанный с водной стихией [88]. По словам Д. К. Зеленина, образ албасты далеко не привлекательный и сам по себе с русалками имеет мало общего [89]. Влияние тюркской мифологии обнаруживается в весьма любопытных представлениях о русалке в образе коня. Точнее, «русалкой» называли изготовленное особым способом чучело лошади. Такие сведения мы имеем из Пермской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Астраханской губерний, а также из Воронежской обл.[90] В с. Оськино (Хохольский р-н Воронежской обл.), например, «русалкой наряжали мужчину. Из тряпок делали морду, как у лошади, прикрепляли рога из палок, бороду, хвост и холку делали из конопли» [91]. В Саратовской губ. (с. Колено) «русалка являлась к вечеру, это был конь из соломы, украшенный разноцветным тряпьем и бубенчиками, под ним скрывались два парня» [92]. В Пермской губ. «русалку представляли парни, ряженные лошадью. Лошадей было три или четыре, ими командовала женщина, одетая в солдатский мундир, а девушки провожали их за село, где прощались с ними» [93]. В Черном Яру (Астраханская губ.) даже «держали на палке лошадиный череп, убранный збруею, как живой» [94]. В других местах во время обряда «проводов русалок» ее изображает девушка; иногда делали чучело, но не лошадиное, а антропоморфное. Русалка-конь известна лишь в регионах славяно-тюркских контактов, где восточными славянами могли быть заимствованы древние тюркские представления о связи коня с водой и плодородием. Эта связь была отмечена С. П. Толстовым [95]. Таким образом о юго-восточном регионе мы можем говорить как о территории, где произошла замена одного образа (русалка) другим, функционально тождественным (конь). Но замена эта, вероятно, поздняя (коня продолжают называть «русалкой»), так что речь не идет об образе русалки в виде коня.

Русалки и культ мертвых. Образ русалки очень тесно связан с летней троицко-семицкой обрядностью. Время появления этих существ на земле фактически ограничено только этим периодом (май — июнь). Обряды Троицы-Семика генетически восходят к древним восточнославянским русалиям. До сих пор нет единого мнения о том, что представляли собой эти празднества. Одни авторы видели в русалиях исконно славянский обряд, корни которого уходят в глубинные слои древних славянских религиозных верований [96], другие указывали на латинские корни термина русалии (Rosalia—Rosaria) и отстаивали тезис о римско-италийском происхождении обряда [97]. Т. Д. Златковская показала, что скорее всего заимствованный термин «русалии» (от Rosalia — поминальный обряд в Италии, включающий ежегодные жертвоприношения усопшим, поминальные угощения на могилах, украшение могил розами и т. п.) и некоторые элементы этого обряда покрыли собой древние местные народные обрядовые действия восточных славян, среди которых главное место занимали представления и действия, связанные с плодородием и направленные на стимуляцию роста хлебов, растительности [98]. Явное смешение двух культов — культа растений и культа мертвых — мы видим и в обрядах Семика и Троицы, причем наиболее архаичные элементы в них связаны с культом растений [99]. Отсюда становится понятной тесная связь с миром мертвых и самих русалок, в образе которых перемешались представления о различных мифологических существах — вилах и полудницах, лесных, водяных демонах и сиренах. Своим новым именем — *русалки* — и связью с миром мертвых эти существа женского пола оказались обязаны розалиям-русалиям.

Кроме того, в образе русских русалок отразились представления о «заложных» покойниках, культ которых у восточных славян в XVIII—XX вв. получил очень широкое распространение. По замечанию Д. К. Зеленина, он даже «вытеснил древний культ сил природы, так, что в народных представлениях даже леший и водяной считаются заложными покойниками» [100].

Таким образом, название «русалка» — производное от «русалия», стало обозначать дух умершего, которого чествуют в русальную неделю. В южных и отчасти западных районах расселения восточных славян это название объединило самые различные мифологические персонажи, так или иначе связанные с растительностью, водой и плодородием. Наши материалы показывают, что среди русалок оказались полудницы, а также лесные и водяные духи, обладавшие способностью оборачиваться женщинами; иногда это жены леших и водяных. Темпорально «жизнедеятельность» этих существ усиливается с началом лета, когда «оживает» природа. В некоторых местах на образ русалок заметное влияние оказали мифологические представления соседних народов. При всей неоднотипности и при явном слиянии в этом образе представлений о различных по своему происхождению мифологических существах, можно выделить, по выражению Э. В. Померанцевой, «наиболее ходовой, условно говоря, классический образ русалки — роковой для человека красавицы, водяной, реже лесной, нежити» [101]. У северных русских название «русалка» не успело достаточно распространиться. В силу этого северные русские продолжали рассказывать не о русалках, а о своих полудницах, водяних, водяных, принимающих женское обличье, лешачихах и т. п. И даже если наличествовала связь этих существ с миром мертвых, то она совсем иного рода, чем в представлениях о русалках южнорусского населения.

Примечания

[1] *Чулков М. Д.* Абевега русских суеверий. СПб., 1786. С. 283; *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1839. Вып. 4. С. 13—14; *Шеппинг Д. О.* Мифы славянского язычества. М., 1849. С. 91; *Кагаров Е. Г.* Религия древних славян. М., 1918. С. 8—9; *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М., 1957. С. 92—94; *Златковская Т. Д.* Rosalia — русалии? (О происхождении восточнославянских русалий) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов (VIII Международный съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г. Докл. советской делегации). М., 1978. С. 217; *Иванов В. В.* Русалки // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 390.

[2] *Соловьев С. М.* Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. С. 39; *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1869. Т. 3. С. 240, 243; *Веселовский А. Н.* Генварские русалии и готские игры в Византии // Журнал Министерства народного просвещения. CCLI. 1885. № 9. С. 7.

[3] *Виноградова Л. Н.* Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор. (Духовная культура Полесья на общеславянском фоне). М., 1986. С. 108, 129.

[4] *Ушаков Д. Н.* Материалы по народным верованиям великорусов // Этногр. обозр. 1896. № 2—3. С. 163.

[5] *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916. Вып. 1. С. 208—209; *его же.* Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // Изв. Академии наук. Пг., 1917. Т. 11. № 7. С. 402, 413—414.

[6] *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. Пер. на русский язык: *Zelenin D.* Russische (ostslavische) Volkskunde. Berlin; Leipzig, 1927. С. 418—419.

[7] *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 221—222.

[8] *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. С. 152—153; *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 77; *Толстой Н. И.* Из заметок по славянской демонологии: 2. Каков облик дьявольский? // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского). Матер. науч. конф. 1975 г. М., 1976. С. 292—293.

[9] Архив Института этнологии и антропологии РАН (АИЭ). Ф. ОЛЕАЭ. Д. 163. Л. 5.

[10] *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. С. 157.

[11] *Виноградова Л. Н.* Указ. раб. С. 94.

[12] *Терещенко А. В.* Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 6. С. 127.

[13] *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Изв. ОЛЕАЭ. М., 1877. Т. 30. Тр. этнограф. отдела. Кн. 5. Вып. 1—2. С. 165.

[14] *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива РГО. Пг., 1914. Вып. 1. С. 202; Архив Российского этнографического музея (Далее АРЭМ). Ф. 7 (Этнограф. бюро кн. В. Н. Тенишева). Оп. 1. Д. 241. Л. 43; Д. 288. Л. 29; Д. 359. Л. 1.

[15] АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 410. Л. 13.

[16] Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 617. Л. 7.

[17] Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 762. Л. 3; Д. 798. Л. 9.

[18] *Зеленин Д. К.* Описание рукописей. 1916. Вып. 3. С. 1101.

[19] *Завойко Г. К.* Верования, обряды и обычаи великоросов Владимирской губернии // Этногр. обозр. 1914. № 3—4. С. 101.

[20] *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1909. С. 546.

[21] *Зеленин Д. К.* Описание рукописей. 1915. Вып. 2. С. 802.

[22] АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 442. Л. 13.

[23] *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 84.

[24] *Иванова Т. Г.* Былички и «анекдоты» в Шенкурском районе Архангельской области // Русский фольклор. Л., 1985. Вып. 23. С. 30.

[25] АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 288. Л. 29; Д. 359. Л. 1; Д. 798. Л. 9; Д. 1517. Л. 21.

[26] *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии ... С. 113—114; *его же.* Восточнославянская этнография. С. 419.

[27] *Дмитриева С. И.* Указ. раб. С. 84.

[28] Там же.

[29] *Снегирев И. М.* Указ. раб. С. 12.

[30] *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии... С. 115.

[31] *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 91; *Богатырев П. Г.* Верования великорусов Шенкурского уезда Архангельской губернии // Этнограф. обозрение. 1916. № 3—4. С. 54; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 762. Л. 3; Д. 813. Л. 24; Д. 1468. Л. 30; АИЭ. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 80. Л. 12. Способностью превращаться в существ женского пола (феминометаморфозы) обладают наряду с водяным еще и севернорусские лешие, домовые, дворовые, банные духи. Вообще феминометаморфозы духов являются отличительной чертой севернорусской демонологии.

[32] *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. С. 419.

[33] Там же; *Померанцева Э. В.* Указ. раб. С. 77.

[34] *Пушкин А. С.* Русалка; *Гоголь Н. В.* Майская ночь, или Утопленница; *Украинка Л.* Лесная песня; *Тургенев И. С.* Бежин луг; и т. п.

[35] *Виноградова Л. Н.* Указ. раб. С. 94.

[36] По *Н. И. Толстому*, смешанная антропозооморфная (получеловек-полузверь) форма облика «нечистой» силы у славян достаточно поздняя (*Толстой Н. И.* Указ. раб. С. 291).

[37] Архив кафедры теории литературы и фольклора Воронежского госуниверситета. Записи 1990 г. (с. Оськино, Хохольский р-н Воронежской обл.). П. 4. Л.Л. 2—3, 8, 9.

[38] АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1165. Л. 36.

[39] АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1091. Л. 16, 20.

[40] АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1165. Л. 36.

[41] *Виноградова Л. Н.* Указ. раб. С. 95.

[42] *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии... С. 116; *Виноградова Л. Н.* Указ. раб. С. 95; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1165. Л. 36; Д. 1272. Л. 4; Д. 1091. Л. 20.

[43] АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1091. Л. 16.

[44] АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1091. Л. 20; Д. 1272. Л. 3.

[45] *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии... С. 142.

[46] АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1165. Л. 36.

[47] Этот факт можно объяснить поздним происхождением слова «русалка». Скорее всего, как показали еще Ф. Миклошич и Д. К. Зеленин, слово «русалка» было образовано от древнерусского «русалии». Название этого летнего праздника часто встречается в летописных памятниках XIII—XVI вв. С XVIII в. существ, с которыми оказалась связана эта летняя «русальская» обрядность, стали называть русалками. В свою очередь, слово «русалии» имеет латинские корни (римско-италийск. Rosalia-Rosaria, греч. ῥουσάλια, латин. средневеков. dies Rosarum) и попало к восточным славянам через Византию и Балканы (сербск. русаље, словенск, Risalšček, R̄šaj—Rsaj—Rseit албанских гегов). (*Mikloschich F.* Die Rusalien. Ein Beitrag zur slavischen Mythologie. Wien, 1864. С. 16, 20; *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии. С. 112—113; *Токарев С. А.* Указ. раб. С. 92; *Златковская Т. Д.* Указ. раб. С. 223).

[48] *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956. С. 272.

[49] *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии... С. 295—296; *его же.* Восточнославянская этнография. С. 420.

[50] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 435—436; *его же.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 572.

[51] *Маринов Д.* Народна вера и религиозни народни обичаи // Сб. НУ. София, 1914. Кн. 28. С. 191.

[52] *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии... С. 295—296.

[53] *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива РГО. 1914. Вып. 1. С. 263.

[54] *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. С. 417; *Померанцева Э. В.* Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978. С. 148.

[55] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3. С. 319; *Померанцева Э. В.* Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице. С. 144.

[56] *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива РГО. 1914. Вып. 1. С. 367; 1915. Вып. 2. С. 584.

[57] *Померанцева Э. В.* Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице. С. 147.

[58] *Ушаков Д. Н.* Указ. раб. С. 162.

[59] *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива РГО. 1914. Вып. 1. С. 367.

[60] *Виноградова Л. Н.* Указ. раб. С. 95.

[61] *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1. С. 366.
[62] АИЭ. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 171. Л. 11 (сообщение А. Н. Минха 1893 г.).
[63] *Померанцева Э. В.* Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице. С. 147.
[64] *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край. Юго-западный отдел. Материалы и исследования. СПб., 1872. Т. 1. С. 207.
[65] *Виноградова Л. Н.* Указ. раб. С. 104.
[66] Там же. С. 95.
[67] *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии... С. 152.
[68] *Ушаков Д. Н.* Указ. раб. С. 162; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1577. Л. 18.
[69] *Терещенко А. В.* Указ. раб. С. 127; *Виноградова Л. Н.* Указ. раб. С. 94.
[70] *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива РГО. 1914. Вып. 1. С. 65 (Астраханская губерния).
[71] *Померанцева Э. В.* Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице. С. 148, 150—151.
[72] *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии... С. 24—25.
[73] Там же. С. 118.
[74] *Харузин Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Изв. ОЛЕАЭ. Т. LX. Тр. этнограф. отдела. Кн. 9. М., 1889. С. 132; *Ушаков Д. Н.* Указ. раб. С. 160.
[75] *Максимов С. В.* Указ. раб. С. 91; *Богатырев П. Г.* Указ. раб. С. 54 и т. д.
[76] *Иванов П. В.* Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках // Сб. Харьк. историко-филологического о-ва. Харьков. 1893. Т. 5. Вып. 1. С. 62—63.
[77] *Иванов П. В.* Указ. раб. С. 47.
[78] *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии... С. 208.
[79] *Чубинский П. П.* Указ. раб. С. 209.
[80] АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1674. Л. 3.
[81] АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1577. Л. 18.
[82] *Виноградова Л. Н.* Указ. раб. С. 95.
[83] *Чубинский П. П.* Указ. раб. С. 207.
[84] АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 549. Л. 27.
[85] АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1674. Л. 2.
[86] Например: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 884. Л. 3.
[87] *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива РГО. 1914. Вып. 1. С. 65; *его же.* Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. С. 116; *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 261.
[88] Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 58.
[89] *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии... С. 116.
[90] Интересно, что во всех имеющихся в нашем распоряжении сообщениях русалку-лошадь изображали не женщины, а мужчины или молодые парни.
[91] Архив кафедры теории литературы и фольклора Воронежского госуниверситета. Записи 1990 г. П. № 4. Л. 9.
[92] *Минх А. Н.* Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки Саратовской губернии, собранные в 1866—1888 гг. // Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1890. Т. 19. Вып. 2. С. 105.
[93] *Терещенко А. В.* Указ. раб. С. 191.
[94] *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива РГО. 1914. Вып. 1. С. 68.
[95] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-этнографического исследования. М., 1948.
[96] *Снегирев И. М.* Указ. раб. С. 5—6, 16—17; *Терещенко А. В.* Указ. раб. С. 123; *Афанасьев А. Н.* Указ. раб. С. 122.
[97] *Нидерле Л.* Указ. раб. С. 215, 272; *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии... С. 112; *Токарев С. А.* Указ. раб. С. 89.
[98] *Златковская Т. Д.* Указ. раб. С. 214, 220—223.
[99] *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. С. 395.
[100] Там же. С. 410.
[101] *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. С. 78.

Some Features of the Mermaid Image in the Eastern Slav Folklore

The Eastern Slavic myths, containing the image of mermaid are the object of analysis. The analysis shows comparatively late formation of the image in the Eastern Slavic mythology, as well as the complex nature of the image, resulting from conflation of several mythological characters — spirits of the dead, water and forest goblins etc. The regional variety of the mermaid image and its total absence in Russian North mythology confirm the statement of its recent formation.

V. I. Dynin